

Рувин Фербер

Рига, Латвия

КАТАСТРОФА ЕВРОПЕЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА КАК КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ

Спор увяз в частности, безразличных для
правильного диагноза народовубийства XX века.
Станислав Лем

Как осмыслить масштаб и последствия для человечества и миропорядка явления, само название которого полисеманлично — *Холокост, *Шоа*, Катастрофа? Для единого, холистического¹ осмысления этого страшного явления необходимо его осознание на более высоком структурном уровне, возвышающемся над трагедией одного народа, над совокупностью отдельных человеческих судеб. Таким уровнем является совокупный уровень культуры — то, что принято подразумевать под термином «цивилизация». Автор настоящей статьи должен признаться в невозможности для себя однозначно выбрать термин для обозначения трагедии европейского еврейства, ибо все три разноязычных названия (английское «Холокост», ивритское «*Шоа*», русское «Катастрофа») не являются эквивалентными, акцентируя универсальный общечеловеческий аспект геноцида (Холокост), ужас истребления еврейского народа (*Шоа*) или неодолимость, стихийность трагедии народовубийства (Катастрофа). Здесь симптоматично само стремление найти правильный, «истинный» термин. Стоит напомнить, что в религиозно-философском смысле знание «истинного», «настоящего» имени или названия события означает не только лучшее его понимание, но и обретение власти над ним, способности его «вызывать» либо, наоборот, предотвращать. Стремление к поиску истинного («настоящего») имени Бога всегда было лейтмотивом иудаизма. Так, имя основателя *хасидизма — Баал Шем Тов (1700—1760), или сокращенно Бешт, означает «обладатель настоящего Имени (Всевышнего)». Вынесенный в название статьи термин «Катастрофа» не имеет преимуществ и выбран скорее как наименее нуждающийся в пояснении для русскоязычного читателя.

Понимание сущности и масштаба Катастрофы европейского еврейства требует понимания сущности и масштаба самого феномена е в р е й с т в а как народа, который своей абсолютно уникальной выживаемостью, устойчивостью к любым историческим катаклизмам и изменениям (лишение государства, разрушение Храма, расчленение, появление доминирующих мировых религий, преследования), кажется, бросает вызов самой концепции исторического времени². Как известно, для того чтобы дать определение явления или понятия, необходимо выделить его в качестве части некоего более общего понятия. Вот почему, например, невозможно дать ограничительное определение Бога, сознания, вселенной. Для еврейства в целом таким более общим понятием или уровнем является ц и в и л и з а ц и о н н о е п р о с т р а н с т в о, на котором выделяется так называемая иудео-христианская цивилизация.

В чем же именно заключается уникальность «расположения» еврейства в цивилизационном пространстве?

Как показывает сравнение с судьбами других древних этносов, удивительная историческая устойчивость еврейства не может быть результатом какого-то постоянного благоприятного сочетания исторических условий, ибо любое благоприятное сочетание многих причин носит случайный характер и в долговременной перспективе рано или поздно сменяется неблагоприятным. Когда причин много, они не убеждают. Поэтому у автора не вызывает сомнений, что «вечность» еврейства обусловлена наличием одного главенствующего, ключевого фактора³. В поисках такого фактора представляется целесообразным обратиться к опыту точных наук, где ведущиеся длительное время поиски некоего универсального понятия, позволяющего сформулировать законы природы в наиболее общем виде, привели к выводу о необходимости базироваться на понятии с и м м е т р и и. Именно симметрия, всегда обладавшая для человеческого восприятия особой притягательной силой, стала ключевым, наиболее общим понятием фундаментальной физики. Принцип симметрии по простоте и созидательной мощи (как это ни парадоксально, из него следуют все фундаментальные законы физики⁴ — закон сохранения энергии и импульса, свойства фундаментальных частиц и взаимодействий и др.) сравним только с понятием Абсолюта, ибо именно так создавалась вселенная⁵. Простейшее определение симметрии сводится к тому, что симметричным относительно каких-либо воздействий называется такой предмет или явление, которые после воздействий остаются теми же самыми (например, сохраняют свою форму). Самым совершенным типом симметрии является с ф е р и ч е с к а я — что может быть совершеннее сферы или совокупности сфер, сохраняющих свою форму (переходящих «в себя») при вращении относительно центра на любые углы? Сфера остается сферой при приближении к центру и отдалении от него сферических поверхностей и слоев.

Не вызывает сомнений правомочность распространения понятия симметрии и на другие области явлений. При внимательном рассмотрении оказывается, что именно сферической симметрии строжайшим образом следует цивилизационное расположение еврейства. Когда впервые в истории Бог избранного Им народа, народа кочевников и в меньшей мере земледельцев, стал для этого народа единым Богом всего человечества, еврейство по своей исторической, цивилизационной миссии заняло нишу, которая оказалась сферически симметричной в смысле расположения народа в о к р у г находящегося в центре сферы Творца. Как народ, возникший через союз (*Завет) с Всевышним, еврейство оказалось о к р у ж а ю щ и м Творца народом, народом, обращенным в о в н у т р ь — к Творцу и в о в н е — к остальному человечеству (к другим народам, к остальному миру). Еврейство, таким образом, ощущает себя осуществляющим миссию служения всему человечеству «через себя», являясь «ближайшим к Творцу» народом-посредником, «исполняющим и слушающим» волю Творца, народом, для которого обязательно исполнение всех 613 заповедей в отличие от семи заповедей для остального человечества. Не спасение отдельной души, но всего народа — в этом лейтмотив и этическая сущность иудаизма. Мартин Бубер⁶ говорит о том, что дарованием Закона на Синае Всевышний, который есть «судия в с е й Земли», наделяет свой народ к о н с т и т у ц и е й, дабы увести его в сферу священного, возвысить до уровня, на котором «этическое растворяется в религиозном». Эта структура упорядочивалась во все более совершенном (симметричном) виде в первую очередь благодаря учению еврейских пророков, но также вследствие кризисов-катастроф в еврейской истории. Можно сказать, что само еврейство возникло и оформилось в результате благополучного разрешения «катастрофы», связанной с выходом из Египта. Выполнение Завета (эра Торы) — это история станов-

ления «Божьего народа», обретение им государства и Храма. Разрушение римлянами *Второго храма привело к утрате единого пространственного культового центра и его замене на центр идеальный, воображаемый. Представим себе аналогию со «стягиванием», проецированием всех поверхностей сфер к единому центру, который соотносится с Творцом и одновременно уже не с реальным, а с идеализированным, «верхним» Иерусалимом. Можно говорить о дальнейшем этическом совершенствовании, перфектизации цивилизационной сферы в результате кризиса, возникшего при разрушении Храма: «ибо благочестия хочу я, а не жертвоприношений» — этими словами законоучитель Иоханан Бен Заккай⁷ обращался в Явне⁸ к ученикам *иешивы, в которой в условиях отсутствия «реального» храма через изменения в системе богослужения был создан существующий и поныне иудаизм.

Такое самоотнесение народа оказалось признанным и востребованным в масштабе цивилизации в последующую эпоху, и в силу этого еврейство обрело чрезвычайную устойчивость. Доказательством и следствием стало последовательное выделение из иудаизма «вовне» двух несоизмеримо более многочисленных мировых монотеистических религий — «излившегося на мир из израильского источника»⁹ христианства и затем ислама — при сохранении «внутренней» цивилизационной ниши еврейства. Естественно, цивилизационное самоотнесение еврейства сохранялось благодаря тому, что оно осознавалось христианским и исламским миром. Вспомним, что и в христианстве, и в исламе исторически наиболее ранние земные деяния (земной «доступ») Творца связаны с родоначальниками еврейства и проходят таким образом через «внутренний», еврейский слой. Сказанное подтверждается включением Танаха (Ветхого Завета) в качестве истоковой части в христианскую Библию, а также, в более специфической форме, восприятием себя «авраамидами» последователями ислама. Как отмечал Бубер¹⁰, христианство «эллинистично» постольку, поскольку оно отказывается от концепции «святого народа», т. е. вставшие на сторону христианства народы, в отличие от Израиля, не стали «народом союзным» с Творцом, но принимают веру как совокупность индивидуумов. При таком развитии внутренняя, ближайшая к Творцу сфера «союзного народа», «народа-посредника» оказалась пусть и немногочисленной, но исторически устойчиво занятой.

Еврейство никогда не ставило своей задачей иметь численное превосходство над другими народами. Можно представить, как, в полном соответствии с законом сохранения вращательного момента, одновременно происходит отдаление от центра, «уход» части еврейства («наружных» сферических слоев) в о в н е, во внешний мир, и соответствующая компенсирующая реакция приближения оставшегося еврейства в о в н у т р ь, к центру, «сокращение» его внутреннего слоя, при постоянном симметризирующем «вращении», заполняющем вырванные историей бреши — исчезновение отдельных общин, изгнание, насильственное обращение в иную веру. Будучи единожды занятой, такая цивилизационная ниша в исторической перспективе оказалась чрезвычайно устойчивой, сочетая сохранение религиозно-нравственной системы ценностей, географическую мобильность (появление на европейском пространстве говорящего на *идише «*ашкеназского мира») с отсутствием территориально-государственных амбиций. Были такие значительные катастрофы, как погромы Богдана Хмельницкого¹¹, но они были локальны: общины восстанавливались, заполняя «пустоты» на поверхности сфер, особенно при развитии *хасидизма и демографическом взрыве в XIX в.

Именно во второй половине XIX — начале XX в. выживаемость еврейства подверглась, по-видимому, наибольшему испытанию со времени разрушения римляна-

ми Второго храма. Причиной этого явилось бурное развитие гражданского общества и образование национальных государств, что вызвало у евреев тенденцию к *эмансипации и просвещению (*Гаскала) в большинстве стран Западной Европы, в результате чего наметился небывалый раскол еврейского мира: усиление ассимиляции, с одной стороны, и возникновение еврейского национального самосознания и сионизма, а также укрепление религиозной ортодоксии — с другой. Еврейское цивилизационное пространство расслоилось и пришло в дотле невиданное и, казалось, необратимое движение в направлении вовне, от ц е н т р а, — во внешний мир, исчеза в нем и смешиваясь с ним. Но именно в XIX в. устойчивость сферически-симметричного цивилизационного расположения еврейства проявилась в наивысшей степени. Возникший вслед за выходом еврейства из *гетто кризис еврейской традиции¹² вызвал обратный процесс «движения к центру»: возникла и укрепилась религиозная ортодоксия и ультраортодоксия, объединившая традиционное и хасидское направления иудаизма. В нерелигиозных кругах возникло и развилось национальное движение к центру п р о с т р а н с т в е н н о м у, к возвращению в *Сион.

Таковы были положение и динамика еврейства к моменту Катастрофы XX в. В 1941 г. после июньского нападения на СССР гитлеровская Германия приступает к реализации плана «окончательного решения» (*Endlösung*) еврейского вопроса. Предусматривавшееся полное и окончательное физическое уничтожение еврейства не должно было, по замыслу авторов *Endlösung*'а, повторять «ошибки прошлого»: никаких переселений (ибо начиная с послевоенного¹³ периода евреи научились сохраняться в рассеянии), религиозных гонений (ибо насильно крещенные возвращались в лоно религии предков), а именно полное уничтожение по признаку происхождения. Тем самым наносился удар по духовному и родовому единству еврейского бытия.

Было ли это реализацией нацистского обещания спасти Германию от «еврейской угрозы» или глобальной претензией на изменение миропорядка с целью сломать, изменить структуру цивилизации?

Есть основания считать, что Гитлер и его окружение, по крайней мере в известной степени, осознавали цивилизационный масштаб осуществляемой ими Катастрофы. Об этом говорит сама терминология «нового мирового порядка», борьбы с «мировым злом». Реализация гитлеровского плана депортации в лагерь смерти и истребления не приносила никакой практической пользы германскому «рейху», ибо нарушался принцип «все для фронта»: перевозившие евреев составы не были использованы для помощи армии Паулюса в осажденном Сталинграде в 1943 г., а охранявшие концлагеря дивизии СС так и не попали на фронт даже в критической обстановке 1945 г. По-видимому, здесь проявлялось стремление не ограничиться решением проблемы «жизненного пространства» в географическом смысле, а изменить саму концепцию цивилизационного устройства, основанного на христианских ценностях мира. Кроме расширения пространства внешнего, существовала навязчивая идея завоевать пространство внутреннее, уничтожив занимаемую еврейством цивилизационную нишу. В Европе эту нишу занимал целостный мир ашкеназского еврейства, основанный на единстве народа и традиции, постоянно осознающий себя, по Буберу, через ощущение «реального присутствия Всевышнего».

Что мог ощущать Гитлер и его сподвижники, принимая «окончательное решение»? Наверняка провоцировала сама д о с т у п н о с т ь (кажущаяся, как оказалось) «окончательного решения великой задачи»: здесь, рядом, в Европе существовал народ Библии, давший человечеству христианство и ислам и сохранивший свою истоковость, народ, не защищенный ничем, кроме величия своей истории. Возмож-

но, в штабе *Endlösung*'а ощущали, что остальной мир одновременно и боится этого решения, и подспудно ждет его, может быть, сам того не сознавая или не смея признавать. Известны высказывания фюрера, смысл которых сводится к тому, что Гитлер и его окружение лишь завершают «дело», которое церковь осуществляет вот уже полторы тысячи лет. И ведь были знамения: возвращались не принятые ни одной страной корабли с эмигрантами; Палестине не позволено стать страной-пристанищем для евреев, «Землей Израиля»; союзники не бомбят эшелоны с евреями на их пути в лагеря смерти. Нельзя исключить тайных мечтаний Гитлера о том, что на почве уничтожения еврейства когда-нибудь удастся найти гораздо более могущественных союзников, чем, скажем, Италия или Румыния. И действительно, буквально через несколько лет сравнимого масштаба Катастрофа планируется Сталиным. Сразу же после нацистских концлагерей были погромы в уже освобожденной Польше.

В связи с анализом взаимоотношения геноцида народов и цивилизации интересные признаки деформации мировой культуры приводит Станислав Лем. По его мнению, в истории геноцида «прослеживается снижение значимости... непосредственной выгоды и возрастание роли идейных обоснований резни, иначе говоря, все возрастающий перевес духовных приобретений инициаторов над материальными»¹⁴. Материальные выгоды мизерны, более того — по мнению многих — геноцид евреев нанес Германии прямой материальный и военный ущерб, следовательно, нужны совершенно иные обоснования. С. Лем далее отмечает, что, когда преступление «превращается в правило, господствующее над жизнью и смертью, оно обретает относительную самостоятельность, так же как и культура»¹⁵. Народоубийство уже не может обходиться без лицемерия. Геноцид нацизма стал исторической миссией, в которой с обратным, убийственным знаком просвечивает иудео-христианская символика, «как если бы, не будучи в состоянии убить Бога, немцы убили «богоизбранный народ», чтобы занять его место и... стать самозваными избранными истории»¹⁶. Эссе Лема¹⁷ содержит интересные соображения по поводу того, что важным признаком современной цивилизации является движение прочь от с м е р т и. По мере отхода от христианской средневековой культуры, где смерть как переход к вечной жизни занимала самое высокое место, в XX в. смерть стала полностью отчуждаться от культуры. Исчезло понятие естественной обыденности смерти как культурный образ, превратившись в запретную для общества материального процветания и всеобщего оптимизма тему. Гитлер (добавим: и Сталин) по сути вернул смерти ее будничность и обыденность.

Следует выделить еще один предвестник глобальности кризиса: изменение характера самого института власти перед Второй мировой войной, например установление диктаторских режимов сразу в трех странах Балтии, государственность которых образовалась и оформилась на скрупулезно демократической основе. Власть более не имеет ни малейших признаков Божественного происхождения или благословения. Случайно ли, что именно в странах, где власть, на первый взгляд, наименее «демократическим» образом продолжала основываться на выпестованном христианством монаршестве (Болгария), предпринимались достаточно успешные попытки противостоять уничтожению евреев — и это несмотря на политический союз с гитлеровской Германией? Наконец, была мощнейшая сталинская антиеврейская кампания, достигшая порога скрупулезно спланированной катастрофы, старт которой успел состояться (дело врачей, списки евреев и подготовленные вагоны для их депортации)¹⁸. Финал известен — знаковая смерть вождя всех народов в праздник избавления — *Пурим. Так было ли это еще одной, чудесным образом несосто-

явшейся и обернувшейся гибелью ее автора катастрофой или частью все той же цивилизационной Катастрофы, еще одним признаком ее глобальности и несводимости к «немецкой национальной идее»?

Подведем некоторые итоги. Во-первых, следует согласиться с мыслью о *несводимости Катастрофы* к только уголовному преступлению, «измеряемому» статьями уголовного кодекса. Цивилизационный масштаб Катастрофы требует иных масштабов ее осмысления. В какой мере соответствует реальности рассмотренный в этих заметках мотив «смещения центра» цивилизации, мотив окончательного разрушения иудео-христианской цивилизационной сферы и ее «замены» на некую другую, например «арийскоцентричную», цивилизационную структуру? Давайте поразмышляем над тем, почему существовавшие вначале более «мягкие» варианты решения «еврейского вопроса» эволюционировали к не укладывающейся в рамки человеческого восприятия, абсолютно бессмысленной с точки зрения практической выгоды и не имевшей исторического прецедента Катастрофе? Думается, человечество вряд ли найдет однозначный ответ. Ясно, однако, что еврейство оказалось исторически невозможным «запретить» или «закрыть», как какую-нибудь нежелательную партию или организацию. Еврейство — это не сосуд, который можно разбить. Вот в странах Балтии достаточно успешно ликвидирована компартия — стоило «разбить» сосуд, разрушить партийную структуру, и она действительно исчезла, высыпалась, как песок, и при этом не повредилась ни одна песчинка — люди, отдельные личности остались целыми и невредимыми и готовыми к формированию других структур. Еврейство же нельзя запретить, как религию, как традицию, ибо оно полностью, один к одному, совпадает с народом-носителем. Поэтому нельзя ни разбить оболочку сосуда, ни вылить из нее вино, ибо это единый сосуд-вино. Оказалось, что нельзя перестать быть евреем путем ухода от практической религиозности и в ответ на новые реалии XIX—XX вв.: параллельно эволюции народов Европы к национально-государственным общностям еврейство развило свою этническую, национальную «размерность» — возник *сионизм. С другой стороны, для пытающихся утвердить себя глобально новых идеологий (нацизм, коммунизм) оказалось невозможным сосуществовать с исторически прочно утвердившейся цивилизационной структурой. Отсюда как гитлеровский, так и впоследствии сталинский план тотального уничтожения еврейства выглядит как признание *д-е-ф-а-к-т-о* устойчивой реальности сферически симметричной мифологемы феномена еврейства.

Словосочетание «кризис цивилизации» включает не только понятие «цивилизация», но и понятие «кризис». Последнее, следуя медицинской терминологии, может означать, как известно, перелом в течении смертельно опасной болезни, за которым обычно следует стадия выздоровления. Так был ли преодолен цивилизационный кризис Катастрофы и если да, то каковы признаки и последствия выздоровления? В историософской перспективе непосредственным разрешением цивилизационного кризиса Катастрофы несомненно является восстановление еврейского государства в Стране Израиля, последовавшее за фактическим завершением ашкеназской эпохи. Гибель ашкеназского мира, исчезновение разговорного языка идиш совпали с возрождением пространственного центра еврейства и современного иврита в качестве лингвистической доминанты еврейской идентичности. Таким образом восстановлена реальность пространственной проекции доселе идеального и потому абсолютно симметричного центра еврейского мироощущения — Иерусалима. Восстановление Израильского государства (*Мединат Исраэль*) в Стране Израиля явилось торжественной идеей возвращения в Сион — сионизма, идеи, имеющей две компоненты:

— н а ц и о н а л ь н у ю, цель которой — предоставить еврейскому народу как национальной общности все те возможности осуществления своей национальной государственности, которыми обладают остальные народы, т. е. стать «народом, как все другие народы»;

— р е л и г и о з н у ю, цель которой состоит в осуществлении особой цивилизационной миссии народа-посредника между Всевышним и человечеством, миссии, направленной на искушение всего народа и через него — всего человечества.

Чрезвычайно показательно, что оба параллельных направления сионизма — национальное и религиозное — встретились в Государстве Израиль¹⁹. Их взаимодействие и сонаправленность имеют огромное историсофское значение, связанное не только с непрерывностью феномена еврейства, но и с направлением всего цивилизационного процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Холлизм (от греч. *holos* — целое) — одно из направлений современной идеалистической философии, в которой целостность трактуется как высшее философское понятие, синтезирующее в себе объективное и субъективное. — *Ред.*

² См.: *Вейсберг И.* Рождение истории. М., 1993. С. 19—28.

³ См.: *Фербер Р.* Симметрия еврейской традиции и сегодняшний выбор // Евреи в меняющемся мире: Материалы 1-й Междунар. конф., Рига, 28—29 августа 1995 г. Рига, 1996. С. 63.

⁴ *Фейнман Р.* Характер физических законов. М., 1987. С. 72.

⁵ См.: *Фербер Р.* Акт Творения в еврейской традиции и современной науке // Библистика. Библейские исследования. Еврейская мысль: Материалы 6-й Междунар. конф. по иудаике. М., 1999. Ч. 1. С. 235.

⁶ См.: *Бубер М.* Затмение Бога: Мысли по поводу взаимоотношений религии и философии // Бубер М. Два образа веры. М., 1995. С. 404.

⁷ Иоханан бен Заккай — законоучитель, чья деятельность после разрушения Иерусалима римлянами (I в. н. э.) сыграла решающую роль в сохранении иудаизма как основы самобытного существования еврейского народа. — *Ред.*

⁸ Явне — библейский город в Израиле на побережье приморской равнины, к югу от Яффы (в эллинистический (см. прим. 11 на с. 32) период — Ямния). После падения Иерусалима в Иудейской войне (70 г. н.э.) некоторое время город являлся основным центром иудаизма. — *Ред.*

⁹ *Бубер М.* Указ. соч. С. 405.

¹⁰ Там же. С. 405.

¹¹ Хмельницкий Богдан (1595—1657) — государственный и военный деятель, основоположник государственности Украины. В ходе руководимой им Освободительной войны 1648—1654 гг. против Польши массовому уничтожению подверглись украинские евреи. — *Ред.*

¹² *Katz J.* Emancipation and assimilation. [S. 1.], 1972. P. 129—145.

¹³ Имеется в виду *Вавилонское пленение. — *Ред.*

¹⁴ *Лем С.* Провокация: Эссе // Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 10. С. 455.

¹⁵ Там же. С. 463.

¹⁶ Там же. С. 476.

¹⁷ Там же. С. 454—490.

¹⁸ «Согласно сталинскому сценарию, должен был состояться суд над «врачами-убийцами», который приговорил бы их к смерти. Некоторых «преступников» следовало казнить, других позволить разъяренной толпе отбить у охраны и растерзать на месте. Затем толпа должна была устроить в Москве и других городах еврейские погромы. Спасая евреев от справедливого гнева народов СССР, их пред-

стояло собрать в пунктах концентрации и эшелонами выслать в Сибирь. <...> Утверждая сценарий депортации, он [Сталин] распорядился: “Доехать до места должно не более половины. По дороге предполагались “стихийные” проявления народного гнева — нападения на эшелоны и убийства депортируемых. Так Сталин готовил окончательное решение еврейского вопроса в России, как рассказал об этом Эренбург» (*Борев Ю.* Сталиниада: Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими притчами и размышлениями автора. М., 1991. С. 401; см. также: *Айзенштат Я.* О подготовке Сталиным геноцида советских евреев. Иерусалим, 1994). В последние годы некоторые авторы, в частности Г. В. Костырченко, подвергают сомнению наличие подобных планов и саму возможность такой депортации, мотивируя свою точку зрения отсутствием документальных свидетельств (см.: *Костырченко Г. В.* Тайная полтика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 671—685; *Он же.* Депортация — мистификация: Прощание с мифом сталинской эпохи // *Лехаим.* № 9. 2002. С. 23—35; *Он же.* Документы — на страже правды истории: Открытое письмо Я. Я. Этингеру // Там же. № 11. С. 49—53). И. Кременецкий считает, что такая акция в 50-е гг. XX в. уже была невозможной, а «главный аргумент против этого — полная разруха промышленности, которая наступила бы, так как евреи находились в то время на многих ведущих постах» (*Кременецкий И.* Евреи при большевистском строе. 4-е, испр. и доп. изд. Миннеаполис, 2002. С. 402). Другие же, проводя аналогии со сталинскими массовыми депортациями других народов, считают, что «документы — еще не вся правда» (см.: *Этингер Я.* Документы — еще не вся правда: По поводу статьи Г. Костырченко // *Лехаим.* 2002. № 9. С. 35—39). — *Ред.*

¹⁹ См.: *Luz E.* Parallels meet: Religion and nationalism in the early Zionist movement, 1882—1904. Philadelphia, 1988. P. 1—366.